

DOI 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-186-195

УДК 395(497.17)

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Ритуалы проводов на заработки в одной архаической балканославянской зоне*

АННОТАЦИЯ. Трудовая миграция — печалбарство, гурбетчиство — во многих частях Балканского полуострова и, в частности, среди мяяков стала частью традиции. Со временем на ее основе сформировался собственный фольклор. Из поколения в поколение передавались семейные истории, легенды о героях-односельчанах, появлялись песни, посвященные тяжелой доле мигрантов и суровой жизни женщин, оставшихся без помощи мужчины в хозяйстве. В течение многих лет 90 % мужского населения покидало населенные пункты, что не могло не сказаться на хозяйствах сел, наложило отпечаток на менталитет. Вместе с тем новые жизненные условия требовали соблюдения проверенных обычаев и ритуалов, способных обеспечить благополучие, здоровье и счастливое возвращение уезжавшего на заработки. Типологическое сходство со многими ситуациями проводов (прощания с умершим, отбывающим на тот свет, проводами рекрута) позволило составить новый обрядовый комплекс, который, с одной стороны, находится в рамках однотипных обрядов-переходов, а с другой стороны, выделяется характерными особенностями, обусловленными главной целью — обеспечить счастливое возвращение к семье. Предлагается поэтапно рассмотреть провода мигрантов, уделив пристальное внимание архаическим ритуалам, обрамляющим такое относительно новое явление в культуре, как провода на заработки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудовая миграция, ритуалы прощания, этнолингвистика, славянские архаические ареалы, балканославянские языки, Македония, мяяки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чиварзина А. И. Ритуалы проводов на заработки в одной архаической балканославянской зоне. *Кунсткамера*. 2021. 2(12): 186–195. doi 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-186-195

* Исследование выполнено при финансировании гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01373).

Alexandra Chivarzina

Institute for Slavic Studies
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000–0002–0365–3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Farewell to Labor Migrants Rituals in a Balkan Slavic Archaic Zone

ABSTRACT. Seasonal labor mobility (pechalbarsvo, gurbetchistvo) has become traditional in many areas of the Balkans and among the Mijaks in particular. With the passing of time, it has created its own folklore. Family stories and legends about heroes and fellow villagers were passed down from generation to generation, as well as songs about the hard life of migrants and the women left without male help in the household. Over the years, 90% of the male population has been leaving villages, and this could not but affect the village economies and the mentality. At the same time, new living conditions required observance of the proven customs and rituals to ensure the well-being, health and safe return of the person leaving to earn money. Typological similarities with many other situations of parting (with the deceased departing for the better world, or with soldiers) made it possible to construct a new ritual complex. On the one hand, this complex appears to be still within the same type of rites of passage. But on the other, it stands out for its characteristic features shaped by its main goal, i.e. ensuring a safe return back to the family. This article considers the parting tradition within the labor migration, focusing on the archaic rituals framing such a relatively new cultural phenomenon as farewell to a migrant worker.

KEY WORDS: labor migration, farewell rituals, ethnolinguistics, Slavic archaic zones, Balkan Slavic languages, Macedonia, the Mijaks

FOR CITATION: Chivarzina A. Farewell to Labor Migrants Rituals in a Balkan Slavic Archaic Zone. *Kunstkamera*. 2021. 2(12): 186–195. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-186-195

Вопросы, относящиеся к трудовой миграции как к относительно новому явлению, но актуальному уже не первый век, привлекают внимание социологов по всему миру. Особенности бытования этого явления на Балканах рассматривается в работах, объединенных в сборнике «Migration in the Southern Balkans: From Ottoman territory to Globalized Nation States» (2015). Один из авторов — П. Христов — упоминает регион Миячии как территорию, известную с давних времен массовой миграцией мужского населения. Он уделяет внимание условиям ухода на заработки, направлениям миграции, видам работ, которые были распространены среди выходцев из балканославянских регионов (Hristov 2015). Социокультурным особенностям трудовой миграции болгарского и македонского населения посвящены и другие работы П. Христова (Hristov 2008; 2009). В исследованиях по этнолингвистике символика прощания и прощения затрагивалась в работах и докладах И. А. Седаковой (Седакова 2004; 2012). Исследовательница рассматривает типологическое сходство между ситуациями прощания с умершим, проводами рекрута и проводами на заработки в традиционной культуре балканских славян. Македонский этнограф В. Петреска во введении к своему исследованию, посвященному весенним календарным праздникам у мияков (Петреска 1998), упоминает особенности хозяйственной жизни населения, в том числе перечисляет основные элементы в обрядах проводов. Последняя работа подтолкнула к более детальному описанию череды данных обрядов с точки зрения этнолингвистики, поскольку подобного рода исследование на материале македонской народной традиции ранее не проводилось. В качестве научной базы привлекаются вышеупомянутые работы, исследования этнолингвистов о ключевых концептах традиционной народной культуры, а также собственные экспедиционные записи, сделанные в рассматриваемом западномакедонском регионе в сентябре 2020 г. (округ г. Дебар).

Горный хребет, протянувшийся по границе двух стран — Албании и Северной Македонии, населен разными этническими и религиозными группами. Славянское христианское население, известное под этнонимом мияки (*Mijaџи*), проживает в труднодоступных местах. До сел Лазарополе, Гари, Требиште, Селце, Осой ведет узкая однополосная дорога по опасному серпантину, которая на период снегопадов становится непроходимой. В прошлом, когда дорога была грунтовой, условия были еще хуже. Расположение сел в ущельях посреди самых высоких гор Македонии — Шар Планина, Кораб, Дешан, Крчин, Бистра, Стогово — не способствовало развитию земледелия в этих областях, а исторические события, появление охраняемых государственных границ и постоянные разбойничьи набеги привели скотоводство к упадку.

Сложная экономическая ситуация и суровые климатические условия способствовали трудовой миграции населения — *печалбарству* (мак. *се печали* «трудиться, зарабатывать», однокоренное с *печал* «скорбь, беда»; БЕР 1996: 211–212), *гурбетчиство* (от араб. через тур. *gurbet* «чужбина»). Сохранилась следующая легенда, объясняющая выбор такого способа заработка. Некий юнак Гюрчин Кокале с сожалением смотрел на то, какие скудные урожаи дает его родная земля. Однажды осенью он не выдержал и поджег нивы в Лазарополе, тем самым подстрекая жителей стать торговцами и отправиться зарабатывать деньги за границу (Hristov 2015: 38). Прототипом главного действующего лица является реальная историческая личность — Гюрчин Илиов Кокалески (1775–1863). Он был одним из первых македонских просветителей и общественных деятелей XIX в., занимался не только торговлей, о чем свидетельствует легенда, но и скотоводством. Кокалески одним из первых начал писать на народном языке и препятствовал распространению влияния греческой культуры через Церковь (Матковски 1959). Благодаря его активной позиции по общественно-политическим вопросам региона народ сохранил светлую память о нем и создал множество легенд и песен с его именем.

Для заработков обычно выбирали ближайшие города (София, Салоники, Бухарест, Белград, Стамбул), однако кто-то работал и в Египте (Hristov 2015: 35). Население рассматриваемых мест прославилось как иконописцы, строители, резчики по дереву. Многие балканские церкви декорированы мастерами из миякских сел (Бигорский монастырь, церковь Свети Спас в Скопье). Дома,

сохранившиеся в этих местах, также представляют интерес для этнографов и историков архитектуры (Брезоски 1993).

Рабочие уезжали два раза в год — в мае и октябре. Договор заключался от Праздника Воздвижения (Крстовден, 27.09) или дня Св. Димитрия (Митровден, 26.10) до Юрьева дня (Гурѓовден, 06.05) или Петрова дня (Петровден, 12.07), в зависимости от главного сельского праздника — *слава* — в конкретной местности: Ильин день (Илинден, 02.08) — в с. Лазарополе, Селце; Петров день (Петровден, 12.07) — с. Галичник, Тресонче; Успение (Голема Богородица, 28.08) — с. Гари (Петреска 1998: 13–15) и др. На период возвращения рабочих планировались свадьбы, помолвки и другие договоры: *Каде да си, за Петровден дома да си* («Где бы ты ни был, на Петровден должен быть дома»). Местные жители свидетельствуют, что некогда в этих краях приходилось до тридцати свадеб в один день (Hristov 2015: 41). Об устойчивости этих дат говорят и слова песни:

Нарочуват бело Менде, порочуват: «Како знојеш, аци Павле да си дојеш».	Говорит белая Менде, наказывает: «Как знаешь, аджи Павел, приезжай».
Да си доеш, аци Павле пред Петровден, пред Петровден, аци Павле, две недели.	Приезжай, аджи Павел, перед Петровым днем, Перед Петровым днем, аджи Павел, за две недели
Ако не доеш, аци Павле, пред Петровден,	Если не приедешь, аджи Павел, перед Петровым днем,
ќа го најеш бело Менде оможено.	Найдешь белую Менде замужем.

(Македонская народная песня, исполнитель А. Сариевски)

Новое занятие населения обусловило появление обрядов и ритуалов, связанных с обеспечением безопасности и преуспевания человека, уезжающего на заработки. Несмотря на относительную новизну явления, выполняемые в этот день ритуалы впитали в себя самые яркие черты других обычаев.

В путь запрещено было отправляться в какие-либо дни недели, кроме понедельника или среды (Петреска 1998: 14; Раденковић 2013: 23–26; Толстая 1995: 455–458). В традициях южных славян, и македонцев в частности, понедельник имеет абсолютно положительную оценку. Именно этот день считался лучшим для начала какого-либо дела и тем более отправления в дальнюю дорогу (Ђурић 2020: 29–41; Толстая 2009: 170–173). Общее нейтральное восприятие среды объясняется ее положением в середине недели. Позитивное восприятие этого дня у южных славян подтверждается не только конкретным обычаем македонцев, но и традициями сербов, у которых среда считалась благоприятным днем для начала пахоты (Ђурић 2020: 62–85; Филиповић 1946: 101; Толстая 2012а: 150–151).

Для отбывающего заранее готовились новая одежда и белье (Петреска 1998: 14). Новая одежда выбирается по признаку чистоты, неоскверненности, непочатости. В Болгарии ее надевали, отправляясь в первый раз на полевые работы. Кроме того, переодевание в новое является магическим способом «обновления жизни». Уходя на заработки во всем новом, человек надеялся заработать на обновки (ср. славянские традиции наряжаться в новое на все значимые праздники) (Виноградова, Толстая 2004: 420–422; Узенёва 2009: 605).

В день отбытия рабочего во дворе накрывалась трапеза, на которой должны были обязательно присутствовать все родственники (с. Ростуше, соб. зап. 2020). Одна из девочек утром шла на источник, чтобы набрать «молчальной» воды — *молчена вода* (Петреска 1998: 14). Соблюдений этих условий обеспечивало магическую сакрализацию воды (Виноградова 1995: 387; 2002: 32–60). Молчание выступает в качестве характерной черты поведения человека при исполнении многих магических и обрядовых действий, а также при подготовке к какому-либо делу, событию, в частности к дальней дороге, и воспринимается как форма очищения (Агапкина 2004: 294). В данном случае хранит молчание не сам уезжающий, а набирающая воду девушка, но семантика подготовки и очищения прослеживается в соблюдении всех вышеперечисленных условий.

Наличие у девочки живых родителей *таткина-мајкина* — обязательное условие, которое встречается и в других народных традициях. Например, в с. Битуше, расположенном в рассматриваемом регионе, просеивать муку для праздничной выпечки накануне Крещения могла только девушка с живыми родителями (с. Битуше, соб. зап. 2020). Подобный запрет находим и на территории Сербии при приготовлении свадебного карава (Левкиевская 2009: 642). Сирота же, напротив, выделяется по признаку обездоленности и может свою обездоленность распространить на окружающих, в частности на уходящего и его удачу.

Кувшин с водой девочка оставляла у входа в дом, а на его ручку повязывалась мартеница из красной шерсти с вплетенными серебряной монеткой *угор* и цветком под названием *вратика* (Петреска 1998: 14). Мартеница в сочетании с апотропеем или без него встречается в многочисленных обрядах как самостоятельный элемент (празднование начала весны) либо как сопутствующая деталь, используемая в качестве защитного амулета (купание младенца, свадьба, беременность, роды) (Плотникова 2004: 188–190). Существенная особенность, которая выделяет *печалбарский* амулет, — растение пижма, которое привязывается вместо традиционного базилика (Усачева 1995: 131–133). Такая замена компонента обусловлена внутренней формой слова, обозначающего цветок, — *вратика* (ср. глагол мак. *се врати* «возвращаться»). Таким образом, цветок пижмы, не являющийся культурно значимой реалией, в окказиональном использовании приобретает ритуально-магические функции оберега, обеспечивающего защиту и счастливое возвращение (Усачева 2009а: 407; 2009б: 412–413).

Когда уезжающий покидал двор, жена, мать или другая близкая родственница давала ему в дорогу три хлеба — *потнина* (от лит. мак. *пат* «дорога») — не только как пищу, но и как талисман (с. Ростуше, соб. зап. 2020; Петреска 1998: 14; Толстая 2012б: 419). Вместе с хлебом ему вручали кизилевые ветви. Кизил (*дрен*) символизирует силу и здоровье (ср. благопожелание мак. *да бидеш јак како дрен* «чтобы тебе быть крепким как кизил»). Кизилевые ветви также широко используются в разных обрядах годового цикла, например из кизила делают посохи для обрядовых обходов дворов на Новый год *Василица* (с. Битуше, соб. записи 2020; Агапкина 1999: 492–494).

В момент, когда человек покидал свой дом и двор, ему нужно было правой ногой ударить по кувшину с водой (Петреска 1998: 14). Правая нога символизирует правое дело, правильное начинание. Битье посуды также имеет позитивный магический смысл и должно привести к богатству. Однако в этом конкретном случае кувшин сохранял свою целостность, хотя более и не использовался: он оставался стоять во дворе рядом с другими сосудами ушедших на заработки мужчин семейства (Топорков 1995: 181–182). От кувшина отвязывалась мартеница как оберег, монетка забиралась «на богатство», а цветок *вратика* — чтобы вернуться (Петреска 1998: 14).

Вслед уезжающему мать, сестры или жена сыпали пшеницу — на достаток, на удачу — *за берикет, за среќа* (Петреска 1998: 14). Пшеница часто используется в других обрядах, это символ изобилия и счастья. Пшеницей осыпают новогодних и рождественских гостей для обеспечения достатка и урожая в наступающем году, молодых — чтобы рождались дети (Усачева 2009в: 375–376). В рассматриваемой местности пшеничную кашу варят на празднование Св. Варвары, чтобы целый год было что варить (с. Ростуше, соб. записи 2020). Кроме того, пшеница может наделяться защитными свойствами, что характерно для рассматриваемого контекста.

Помимо пшеницы, уходящего могли окроплять водой (Петреска 1998: 14). Окропление водой (в данном случае сакральность вода приобретает, будучи набранной молча) передает свойство ее чистоты на реципиента — освящает и очищает уходящего. Вода связана с представлениями о границе, переходе из одного состояния в другое, что отвечает ситуации. На территории Болгарии распространен обычай лить воду перед уходящим или вслед ему (Струганова 2018: 328–338). Подобная традиция не отображена в этнографической литературе по региону Миячии, однако была зафиксирована в ходе этнолингвистической экспедиции: уезжающему вслед выливается вода. Эта одна из немногих традиций, которая строго соблюдается до сегодняшнего дня даже в городской среде (с. Ростуше, соб. зап. 2020 г.).

Рабочего провожали далеко за пределы села. Место, где прощались с родными, в каждом селе имело собственный топоним — *Дрвото на солзите* — «Дерево слез» (с. Лазарополе), *Мостот на солзите* — «Мост слез» (с. Желино, Тетовско) (Hristov 2015: 42). Там же уезжающие мужчины исполняли народное *оро* «Тешкото» (букв. «тяжелое»). Танец призван был стать завершающей точкой в тягостном обряде прощания с семьей. Этнохореографы отмечают, что по своей структуре это один из самых сложных танцев. Каждый момент *оро* наполнен многочисленными смыслами. *Печалбарство*, расставание, разделение семей, тяжелые исторические события отражаются в медленных, напряженных и тяжелых движениях вначале, которые постепенно сменяются крещендо и непрерывным кружением танцоров (Здравкова Цепароска 2014: 90). «Тешкото» вдохновлял многих македонских поэтов и писателей. В одноименной поэме Б. Конеского танец символизирует единение народа в борьбе за жизнь и свободу:

О тешкото! Старци излегуват еве,
на чело им мисла, во очи им влага
и првиот чекор по меката трева
е мирен и бавен, со здржана тага.
Но 'рзнува тапан и писок се крева
и молнија светнува во секој глед,
и напред се пушта, се стрелка, се слева
стегнатиот ред.

О тешкото! Старци идут величаво,
на лбу их — морщины, глаза у них влажны,
ступают неслышно на мягкие травы,
подходят медлительно, сдержанны, важны.
Гремит барабан, старики закричали,
и молнией блещет у каждого взгляд,
вперед устремились, забыв про печали,
в сомкнувшийся ряд.

До старците момци се фаќаат скокум;
не издржа срце — сив сокол во клетка,
не издржа пламен жив потулен в око,
не издржа младост што сака да летне!
Се залула оро! Се заврте земја,
и чиниш — се корне стресениот век,
и околу трпнат ридиштата темни
и враќаат ек.

Тут парни пустились вслед за стариками,
из клетки грудной сердце рвется, как сокол,
в глазах засверкало сокрытое пламя,
и молодость тянет к полету высоко!
Шумит хоровод и кружится, топочет,
земля завертелась, леса и холмы,
как будто весь мир заплясал, и грохочет
гул эха из тьмы.

(Отрывок из поэмы Б. Конеского «Тешкото», перевод М. Зенкевича)

Провожающие возвращались с живыми ветвями, которыми украшали вход (Петреска 1998: 14). Украшение зеленью призвано символизировать победу жизни над смертью (т.е. обеспечить счастливое возвращение), плодородие (т.е. обеспечить удачливость и прибыль на чужбине)

После проводов отправлялись за хворостом — *по трески* (букв. «за щепками»). Легкий сухой хворост призван был символизировать легко заработанные деньги. Считалось: чем больше принесешь хвороста, тем больше принесет денег в дом *печалбар*. На хворосте готовилась кукурузная каша *бакрда* за здоровье рабочего — *за мошко здравје* (Петреска 1998: 14).

На заработки отправлялись не только взрослые мужчины. Иногда требовалась прислуга в жилищные дома. Мальчики в возрасте 10 лет могли подойти для этой работы. На проводы им готовилась новая одежды, бусы из печеных каштанов, изюм и яблоко в дорогу. Таких детей называли *први солунчиња* (от названия г. Солун, портового богатого города, куда часто уходили на заработки). Они же первыми должны были вернуться в село, предшествуя основной группе рабочих. При встрече своего ребенка мать переодевала его в новые белые штаны, пояс и носки со словами: *Да остарет, да обелет* («чтоб постарел, чтоб побелел») (Петреска 1998: 14–15). Эта заклинательная формула встречается и при вручении младенцу подарков: новорожденному принято было дарить кусок белой ткани и серебряную монету с пожеланием долгой жизни до старости и седых волос, соответствующих цвету этих предметов. Бабушка одаривала внука белой шерстью, внешне схожей с седыми волосами, атрибутом почтенного возраста: *Да живее сто*

години, да остарее и побелее като мен! С бела коса, с бела брада! («Чтобы жил сто лет, чтобы постарел и побелел, как я! С седыми волосами, с седой бородой!») (Родопи 1994: 137). В момент возвращения ребенка домой мать вновь его обретает живым и как заново рожденному дарит подарки, наполненные тем же смыслом.

Обряды, посвященные прощанию с уходящими на заработки, типологически очень близки похоронам и прощанием с умершим, а через это сближаются и с проводами рекрутов, прощанием с невестой и другими видами обрядов-переходов, которые включают в себя идею «пути» (Седакова 2009: 357). В отличие от похорон, целью которых являются обеспечение счастливой посмертной судьбы умершего и безопасности живых, а также превентивные меры по возвращению покойника с того света, целью обрядов, приуроченных к проводам на заработки, становятся счастливое возвращение и приумножение достатка. Будучи относительно новым явлением, провода вобрали в себя наиболее важные концепты традиционной народной культуры: хлеб, вода, зелень, белая одежда, амулеты, каша. Ключевые признаки, по которым выбираются эти и другие концепты, — символика множественности, плодородия, богатства, счастья и здоровья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т. А.* Кизил // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 492–494.
- Агапкина Т. А.* Молчание // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 292–296.
- Българския етимологичен речник. Т. 5. София: Проф. Марин Дринов, 1996.
- Брезоски С.* Реканска кука. Скопје: Bigoss, 1993.
- Вендина Т. И.* К вопросу о каталогизации зон архаики в современной Славии (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996: сб. статей. М.: Индрик, 2000. С. 6–24.
- Виноградова Л. Н.* Вода // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 386–390.
- Виноградова Л. Н.* Та вода, которая... (признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры. М.: Индрик, 2002. С. 32–60.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Новый — Старый // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 420–422.
- Бурић Д.* Дани у недељи у народној култури Јужних и Источних Словена. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2020.
- Здравкова Цепароска С.* Модели за преработка на традиционалниот танцов изворен материјал // Музичко-научна манифестација «Струшка музична есен» 13–15 Септември 2013, Струга, Република Македонија. Скопје, 2014. С. 83–96.
- Конески Б.* Избрани дела. Кн. 1. Поезија. Скопје: Култура, 1981. С. 31–33 (перевод М. Зенкевича см. в двуязычном издании: Из века в век. Поэзия Македонии. М.: ИКАР, 2002. С. 30–35).
- Левкиевская Е. Е.* Сирота // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 641–642.
- Матковски А.* Гурчин Кокалески: 1775–1863. Скопје: Институт за национална историја, 1959.
- Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијациите. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 1998.
- Плотникова А. А.* Мартеница // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 188–190.
- Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: ИСл РАН, 2016.
- Раденковић Љ.* Време у народној демонологији Словена // Време, вакат, земан: аспекти времена у фолклору. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2013. С. 15–38.
- Родопи: традициона народна духовна и социалнонормативна култура. София: Институт за етнология и фолклористика с Етнографски музей при БАН, 1994.
- Седакова И. А.* Прощание и прощение. Опыт этнолингвистического анализа // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 401–410.

Седакова И. А. Путь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 357–360.

Седакова И. А. «Миграции» в контексте изучения ритуалов и обрядов. Восьмая международная конференция рабочей группы «Ритуальный год» (SIEF) // Антропологический форум. 2012. № 17 online. С. 328–342.

Струганова Е. Н. Болгарское благопожелание *да ти върви (като) по вода* и аксиология воды в болгарской культуре // Горизонты цивилизации. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 328–338.

Толстая С. М. Вторник // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 455–458.

Толстая С. М. Понедельник // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 170–173.

Толстая С. М. Среда // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012а. Т. 5. С. 150–151.

Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012б. Т. 5. С. 412–421.

Топорков А. Л. Битье посуды // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 181–182.

Узенёва Е. С. Сев // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 602–607.

Усачева В. В. Базилик // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 131–133.

Усачева В. В. Растения // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009а. Т. 4. С. 406–412.

Усачева В. В. Растения-обереги // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009б. Т. 4. С. 412–413.

Усачева В. В. Пшеница // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009в. Т. 4. С. 373–377.

Филиповић М. Галипольски Срби. Београд: Смиљево, 1946. 124 с.

Guentcheva R., Kabakchieva P., Kolarski P. Bulgaria: The Social Impact of Seasonal migration. Migration Trends in Selected Applicant Countries. V. 1. Vienna: IOM, 2003.

Hristov P. Collective Identity and the Myth of a Local Civilizer-Hero: Family Narratives in Modern European Perspective // Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 315–323.

Hristov P. Gurbet toponymy // Makedonski folklore. 2009. № 67. P. 91–96.

Hristov P. The Balkan Gurbet: Traditional Patterns and New Trends // Migration in the Southern Balkans: From Ottoman territory to Globalized Nation States. Cham: Springer, 2015. P. 31–46.

REFERENCES

Agapkina T. A. Kizil [Dogwood]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, vol. 2, pp. 492–494. (In Russian)

Agapkina T. A. Molchanie [Silence]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, pp. 292–296. (In Russian)

Bălgarskiya etimologichen rechnik [The Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofia: Prof. Marin Drinov, 1996, vol. 5. (In Bulgarian)

Brezoski S. *Rekanska kuќa* [The House of Reka]. Skopje: Bigoss, 1993. (In Macedonian)

Ђurić D. *Dani u nedelji u narodnoj kulturi Juţnih i Istoĉnih Slovena* [Days of the Week in the Folk Culture of South and East Slavs]. Beograd: Balkanološki institut SANU, 2020. (In Serbian)

Guentcheva R., Kabakchieva P., Kolarski P. Bulgaria: *The Social Impact of Seasonal Migration. Migration Trends in Selected Applicant Countries*, vol. 1. Vienna: IOM, 2003.

Filipović M. *Galiopoljski Srbi* [The Gallipoli Serbs]. Beograd: Smiljevo, 1946. (In Serbian)

Hristov P. Collective Identity and the Myth of a Local Civilizer-Hero: Family Narratives in Modern European Perspective. *Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008, pp. 315–323.

Hristov P. Gurbet toponymy. *Makedonski folklor*, 67, 2009. pp. 91–96.

Hristov P. *The Balkan Gurbet: Traditional Patterns and New Trends. Migration in the Southern Balkans: From Ottoman territory to Globalized Nation States*. Cham: Springer, 2015, pp. 31–46.

Koneski B. *Izbrani dela. Poezija* [Selected Works. Poetry]. Skopje: Kultura, 1981, bk. 1, pp. 31–33. (In Macedonian). The translation by Zenkevich is given in the bilingual edition: *Iz veka v vek. Poezija Makedonii* [From Century to Century. Poetry of Macedonia]. Moscow: IKAR, 2002, pp. 30–35. (In Macedonian, in Russian)

Levkievskaya E. E. Sirota [Orphan]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, pp. 641–642. (In Russian)

Matkovski A. *Djurchin Kokaleski: 1775–1863* [Djurchin Kokaleski: 1775–1863]. Skopje: Institut za nacionalna istorija, 1959. (In Macedonian)

Petreska V. *Proletnite obichai, obredi i veruvanja kaj Mijacite* [Spring Customs, Rituals and Beliefs of the Mijaks]. Skopje: Institut za folklor “Marko Cepenkov”, 1998. (In Macedonian)

Plotnikova A. A. Martenica [Martenica]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, pp. 188–190. (In Russian)

Plotnikova A. A. *Slavianskie ostrovnnye arealy: Arkhaika i innovatsii* [Slavic Insular Areas: Archaic and Innovative Features]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2016. (In Russian)

Radenković Lj. *Vreme u narodnoj demonologiji Slovena* [Time in Slavic Folk Demonology]. *Vreme, vakat, zeman / Aspekti vremena u folkloru*. Beograd: Institut za književnost i umetnost, 2013, pp. 15–38. (In Serbian)

Rodopi: *Traditionsna narodna dukhovna i sotsialnonormativna kultura* [Rhodopes: Traditional Folk Spiritual and Social Normative Culture]. Sofia: Institut za etnologija i folkloristika s Etnografski muzei pri BAN, 1994. (In Bulgarian)

Sedakova I. A. “Migratsii” v kontekste izučeniia ritualov i obriadov. Vos’maia mezhdunarodnaia konferentsiia rabochei gruppy “Ritual’nyi god” (SIEF) [“Migrations” in the Context of the Studies of Rituals and Ceremonies. Eighth International Conference of the Ritual Year Working Group]. *Antropologičeskii forum*, 17 online, 2012, pp. 328–342. (In Russian)

Sedakova I. A. *Proshchanie i proshchenie. Opyt etnolingvističeskogo analiza* [Goodbye and Forgiveness. An Attempt of Ethnolinguistic Analysis]. *Yazyk kul’tury: semantika i grammatika Proshchanie i proshchenie* [The Language of Culture: Semantics and Grammar of Goodbye and Forgiveness]. Moscow: Indrik, 2004, pp. 401–410. (In Russian)

Sedakova I. A. Put’ [Way]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 357–360. (In Russian)

Struganova E. N. Bolgarskoe blagopozhelanie *da ti vьrvi (kato) po voda* i aksiologija vody v bolgarskoi kul’ture [Bulgarian Goodwill *Da ti vrvvi (kato) po voda* and the Axiology of Water in the Bulgarian Culture]. *Gorizonty tsivilizatsii* [Horizons of Civilization]. Chelyabinsk: OOO Tsentral’nyi intellektual’nykh uslug “Entsiklopediia”, 2018, pp. 328–338. (In Russian)

Tolstaya S. M. Hleb [Bread]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, vol. 5, pp. 412–421. (In Russian)

Tolstaya S. M. Ponedel’nik [Monday]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 170–173. (In Russian)

Tolstaya S. M. Sreda [Wednesday]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, vol. 5, pp. 150–151. (In Russian)

Tolstaya S. M. Vtornik [Tuesday]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, vol. 1, pp. 455–458. (In Russian)

Toporkov A. L. Bit’e posudy [Smashing Dishes]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, vol. 1, pp. 181–182. (In Russian)

Usacheva V. V. Bazilik [Basil]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, vol. 1, pp. 131–133. (In Russian)

Usacheva V. V. Rasteniya [Plants]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 406–412. (In Russian)

Usacheva V. V. Rasteniia-oberegi [Plant Amulets]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 412–413. (In Russian)

Usacheva V. V. Pshenica [Wheat]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 373–377. (In Russian)

Uzeneva E. S. Sev [Sowing]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 602–607. (In Russian)

Vendina T. I. K voprosu o katalogizatsii zon arkhaiki v sovremennoi Slavii (po materialam OLA) [On the Issue of the Archaic Zones Cataloging in Modern Slavia (According to OLA Materials)]. *Obshch斯拉vianskii lingvističeskii atlas. Materialy i issledovaniia. 1994–1996: Sbornik statei* [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research. 1994–1996: Collection of Articles]. Moscow: Indrik, 2000, pp. 6–24. (In Russian)

Vinogradova L. N. Voda [Water]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, vol. 1, pp. 386–390. (In Russian)

Vinogradova L. N. Ta voda, kotorai... (Priznaki, opredel'aiushchie magicheskie svoistva vody) [That water that... (Attributes Determining the Magical Characteristics of Water)]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury*. Moscow: Indrik, 2002, pp. 32–60. (In Russian)

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. Novyi — Staryi [New — Old]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, pp. 420–422. (In Russian)

Zdravkova Dzheparoska S. Modeli za prerabotka na tradicionalniot tancov izvoren materijal [Models for Processing Traditional Dance Original Material]. *Muzichko-nauchna manifestacija «Strushka muzichna esen» 13–15 Septemvri 2013, Struga, Republika Makedonija*. Skopje, 2014, pp. 83–96. (In Macedonian)

Submitted: 15.01.2021

Accepted: 17.05.2021

Published: 01.07.2021